

«Как можно быть настолько мерзким? Трахается со всеми подряд... Он вообще себя ни во что не ставит?»

Гу Вэньюй с насмешкой окинул взглядом его фигуру, едва прикрытую полами свободного халата. Схватив Линь Цинжана за подбородок, он бесцеремонно повернул его лицо к себе.

— Так сильно хочется?..

Внезапный виброзвонок прервал его на полуслове. Этот резкий звук вырвал Линь Цинжана из оцепенения. Он торопливо вытащил мобильный и принял вызов.

— Да, бабушка... Скоро буду. С Роусуном всё хорошо, мы его нашли. Да, скоро приду.

Спрятав телефон, Линь Цинжань глубоко вздохнул, пытаясь совладать с ураганом в мыслях.

Немного успокоившись, он повернулся к юноше и постарался улыбнуться как можно естественнее:

— Бабушка звонила, беспокоилась о Роусуне. Мне пора домой.

Гу Вэньюй лишь хмыкнул, даже не шелохнувшись на краю постели. Чистая одежда, которую он принёс, лежала прямо у его бедра. Чтобы уйти, Линь Цинжаню нужно было переодеться.

А значит — потянуться за вещами, неизбежно коснувшись его.

Вэньюй мысленно усмехнулся.

«Сейчас этот придурок наверняка разыграет сцену: якобы случайно споткнётся, упадёт на меня и пустит в ход своё грязное тело, которое так и просит грубости».

Ему была отвратительна сама мысль об этом, но любопытство взяло верх — хотелось увидеть, на какую дешёвую уловку пустится этот парень на этот раз.

Он замер в предвкушении. Линь Цинжань неторопливо подошёл ближе... и, не колеблясь ни секунды, просто прошёл мимо, скрывшись в ванной и плотно закрыв за собой дверь.

Гу Вэньюй нахмурился, глядя на запертую дверь. Спустя мгновение его осенило, и он презрительно фыркнул.

«Надо же, корчит из себя недотрогу с этим его смазливym личиком, хотя нутро насквозь порочное. Решил устроить игры в ванной?»

Через пару минут дверь ванной тихо скрипнула, и Линь Цинжань вышел наружу.

Увидев, во что тот одет, Гу Вэньйой помрачнел:

— Зачем ты опять натянул это грязное тряпьё?

В ванной Линь Цинжань успел умыться ледяной водой, так что краска уже сошла с его щёк. Он мягко улыбнулся:

— Да ладно тебе, одежда чистая. Приду домой и всё равно пойду в душ. — Он закинул за плечо свой рюкзак. — К тому же после горячей ванны я отлично согрелся. Спасибо тебе. Ну, я пойду.

Стоило ему приоткрыть дверь, как на пороге обнаружился Роусун. Завидя хозяина, щенок радостно тявкнул и бросился к его ногам, опираясь крошечными лапками на голени Линь Цинжаня.

Малыш был совсем ручным, мягким и неуклюжим, но каждый раз преданно мчался навстречу, ластился и просился на руки.

Линь Цинжань опустился на корточки и бережно погладил его по пушистой голове. Шёрстка у щенка была на диво мягкой. Роусун довольно зажмурился, тихонько заскулил от удовольствия и завихлял хвостом.

— Прости, малыш, мне пора. В следующий раз наиграемся, — Линь Цинжань нежно коснулся подушечкой пальца мокрого носа щенка и уходить явно не спешил.

Роусун будто всё понял: хвост его уныло повис, ушки прижались к голове. Он засеменял на коротких лапках следом за Линь Цинжанем к выходу.

Щенок попытался проскользнуть наружу, но чья-то рука безжалостно сцапала его за шкурку и вернула обратно на пол.

Малыш обиженно заскулил.

На улице выл пронизывающий ветер. Тонкая футболка Линь Цинжаня мгновенно затрепетала на ветру, подчёркивая его хрупкую, почти невесомую фигуру.

Гу Вэньйой смотрел вслед этому удаляющемуся силуэту. Его брови сошлись на переносице. Прежде чем он успел отдать себе отчёт в своих действиях, пальцы уже сжали тяжёлое тёплое пальто, и он шагнул за порог.

Запертый в доме Роусун скреб лапками дверь и жалобно скулил, провожая их...

— Надень это, — нагнав парня, Гу Вэньюй без лишних разговоров набросил ему на плечи своё пальто.

Они отличались друг от друга как минимум на два размера. Огромное пальто Вэньюя почти полностью скрыло под собой хрупкого Линь Цинжаня, надёжно защищая от холода.

В тёплых объятиях плотной ткани Линь Цинжань почувствовал, как по телу разливается мягкое тепло. Он уткнулся носом в высокий воротник и едва слышно прошептал:

— Спасибо...

Гу Вэньюй натянул ему на голову капюшон, который скрыл покрасневшие кончики ушей. В этот миг его собственное сердце почему-то пропустило удар.

Он не мог объяснить себе это чувство. С самого начала он чётко выстроил между ними границу, но теперь эта черта незаметно стёрлась.

Когда это произошло? В тот раз с Хуан Хайчэном? Или ещё раньше? А может, тепло проникало в его душу по капле, день за днём, пока окончательно не сломало все барьеры.

— Спасибо ещё раз. Возвращайся к себе, — Линь Цинжань отвернулся, подставляя лицо ледяному ветру в надежде, что тот остудит горящие щёки.

— Пошли, — буркнул Гу Вэньюй и зашагал в сторону его дома.

Раздражение клокотало в груди, требуя выхода, и ледяной воздух был как раз кстати, чтобы остудить голову. Он до сих пор не понимал, какого чёрта выскочил вслед за ним с этим пальто. Что за глупость?

Пока они шли, порывы ветра понемногу привели его мысли в порядок. Он скользнул по спутнику холодным взглядом.

«Ну конечно. Я делаю это только для того, чтобы он увяз ещё сильнее. Я ведь изначально затеял всё это ради забавы. И, судя по всему, игра близится к финалу».

— Гу Яньцин, мы пришли. На улице холодает, возвращайся домой, — Линь Цинжань остановился у поворота к своему двору.

Гу Вэньюй взглянул на окна его дома, в которых горел мягкий свет, и усмехнулся:

— И что, даже на чай не пригласишь?

Линь Цинжань замахал руками:

— Нет-нет, я не это имел в виду! Просто действительно очень холодно. Если задержишься, замёрзнешь по дороге назад.

Видя его замешательство, Вэньюй почувствовал азарт. Но прежде чем он успел съязвить, Линь Цинжань опустил ресницы и тихо проговорил:

— Но если ты хочешь... конечно, заходи.

Он медленно поднял на него глаза — чистые, ясные.

— Зайдёшь?

Тускло светил уличный фонарь, луну скрыли плотные ночные облака. Вэньюй вгляделся в эти глаза и на секунду замер.

В глазах Линь Цинжана отражался слабый электрический свет, превращая их в глубокие озёра, полные мерцающих звёзд.

Не дождавшись ответа, Линь Цинжань робко повторил:

— Так ты зайдёшь? Я был бы очень рад.

Гу Вэньюй опешил. Голос юноши звучал так мягко и беззащитно, словно у бездомного котёнка, который отчаянно цепляется за крохи тепла, боясь упустить их хоть на миг.

Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Вэньюй протянул руку и коснулся его лица, убирая растрёпанную ветром чёлку со лба. Лёд в его взгляде немного подтаял.

— Завтра приду. А сейчас иди домой.

— Правда? — Линь Цинжань улынулся так искренне и тепло, что у Вэньюя на миг перехватило дыхание.

Гу Вэньюй опустил взгляд, мимолётно коснулся пальцами уголка его глаза и поплотнее запахнул на нём полы пальто.

— Да. Иди.

Он остался стоять на углу, провожая Линь Цинжана взглядом. Грудь сдавило от тяжёлого вздоха. Этот парень раз за разом умудрялся путать ему все карты, и это жутко бесило.

Силуэт скрылся во тьме, а перед глазами Вэньюя вдруг всплыло воспоминание годичной давности. Тот самый тёмный переулок.

Тогда эти глаза смотрели точно так же — преданно, влажно, умоляюще... Но смотрели они на другого парня.

Эта мысль обожгла изнутри. Только что утихшее раздражение вспыхнуло с новой силой, и его взгляд мгновенно ожесточился.

В гостях у Линь Цинжана

На следующий день Гу Вэньюй пришёл, держа в руках наборы с подарками, которые велел подготовить ещё с вечера. Стоило ему переступить порог, как он наткнулся взглядом на Гао Синьсинь.

— А где бабушка? — бесцеремонно оборвал он их разговор, небрежно опустив пакеты на стол.

— Она ушла к бабушке Лю, опять заболтались, — Линь Цинжань поспешил налить гостю стакан тёплой воды. — Согрейся с дороги.

Гу Вэньюй принял стакан, мазнув брезгливым взглядом по Гао Синьсинь:

— Да на улице сегодня и так жара. Стоит погоде наладиться, как из всех щелей лезет всякая назойливая мошкара.

Он произнёс это, в упор глядя на девушку.

Гао Синьсинь растерялась. Она замялась, не зная, куда деть руки, и поспешно отвела глаза, не смея встретиться с ним взглядом.

Линь Цинжань принялся выкладывать принесённые фрукты в вазу, удивлённо переспросив:

— Мошкара? Какая мошкара?

Гу Вэньюй ничего не ответил. Сделав глоток, он почувствовал, как раздражение понемногу уходит.

— Я пока помою фрукты, а вы посмотрите телевизор, — сказал Линь Цинжань.

Гао Синьсинь тут же вскочила с места:

— Брат Жань, я помогу!

Они вместе ушли на кухню, и только там девушка смогла перевести дух.

Встав рядом с Линь Цинжанем у раковины, она пустила воду и тихо, с опаской спросила:

— Брат Жань... Твой друг... я ему чем-то не угодила?

Линь Цинжань удивлённо посмотрел на неё:

— С чего ты взяла? Гу Яньцин просто выглядит нелюдимым, но на самом деле он очень хороший.

Гао Синьсинь натянуто улыбнулась и предпочла промолчать.

— Выйди. Я сам, — раздался от двери низкий, бархатистый, но холодный голос.

Линь Цинжань обернулся и увидел приближающегося Гу Вэньюя.

— Опять руки в воду суешь?

Линь Цинжань взглянул на свой палец, заклеенный пластырем, и покачал головой:

— Да я ещё даже не начинал.

Гу Вэньюй бесцеремонно вклинился между ним и Гао Синьсинь, взял его за руку и бесстрастно уставился на пострадавший палец:

— Я разве не говорил тебе не мочить руку?

— Да это же царапина, пустяк, — беззаботно улыбнулся Линь Цинжань. — К тому же, как помыть фрукты и не намочить руки?

Ему случалось терпеть раны куда страшнее и больнее этой. К подобным мелочам он давно привык и научился не обращать внимания.

Вэньюй нахмурился, не выпуская его ладонь:

— Даже мелкая царапина будет саднить от воды. Ты вообще хочешь, чтобы она зажила?

Линь Цинжань замер. Кроме бабушки, никто никогда не беспокоился о его здоровье. Никому не было дела, больно ему или нет.

Гу Вэньюй больше не стал спорить. Он просто взял его за руку и вывел из кухни.

Усадив Линь Цинжаня на диван, он тоном, не терпящим возражений, приказал:

— Сиди здесь.

— Но мы же не можем оставить Синьсинь одну мыть фрукты, она ведь гостя, — попытался возразить Линь Цинжань.

Вэньюй раздражённо дернул бровью:

— Я помою.

— Но ты же... — Линь Цинжань замялся.

За время их общения он давно понял, что его друг — типичный изнеженный богатый наследник, который и пальцем дома не ударял, ведь у него всегда была прислуга. Он наверняка и понятия не имел, как подступиться к раковине.

— Разберусь, — отрезал Гу Вэньюй. Смягчившись, он вздохнул и мягко провел большим пальцем по его щеке. — Будь послушным мальчиком.

Глядя вслед уходящему на кухню Вэньюю, Линь Цинжань никак не мог выкинуть из головы это тихое «будь послушным». Он смущённо коснулся мочки уха — кончики его ушей уже пылали нежным румянцем.

«Он так добр ко мне... Даже готов заниматься ради меня такими вещами».

Тем временем на кухне Гао Синьсинь поспешила отойти подальше, чувствуя себя лишней. То, как эти двое общались и касались друг друга, казалось ей очень странным.

— Извините... — робко подала она голос.

Гу Вэньюй расстегнул пуговицы на манжетах своей рубашки и неторопливо закатал рукава. Каждое его движение было исполнено холодной, утончённой грации.

Он выключил воду в раковине и, даже не взглянув на девушку, ледяным тоном бросил:

— Говори, что хотела.

— Вы с братом Жанем... — Гао Синьсинь бросила пугливый взгляд на его профиль. — Кажется, вы очень близки.

Лицо Гу Вэньюя оставалось непроницаемым. От него веяло врождённым высокомерием — он принадлежал к тому типу людей, к которым простые смертные не смели даже приближаться.

— И что с того? К чему ты клонишь? — он медленно повернул голову, прищулив свои тёмные глаза, и в упор уставился на неё.

У Гао Синьсинь перехватило дыхание. Она отчаянно замотала головой и уставилась в раковину:

— Н-ничего! Забудьте!

Вэньюй никогда раньше не мыл фрукты, но базовой логикой обладал.

Аккуратно выкладывая чистые плоды на тарелку, он слегка наклонился к девушке и негромко произнёс:

— Советую тебе не лезть не в своё дело.

Его голос звучал тихо, почти безразлично, но от этих слов Гао Синьсинь обдало могильным холодом. Она застыла на месте.

Гу Вэньюй спокойно взял тарелку и вышел в гостиную.

Лишь спустя минуту Синьсинь смогла пошевелиться. По телу пробежала дрожь. Она растерянно смотрела на пустой дверной проём, не зная, что делать.

«Он... он только что угрожал мне?»

Время неумолимо шло вперёд. На смену весеннему теплу пришёл изнуряющий летний зной. До начала гаокао оставались считанные дни.

Отложив очередную решённую контрольную, Линь Цинжань потянулся, разминая затёкшие мышцы. Он поднял глаза на календарь обратного отсчёта. Цифры на нём таяли с каждым днём.

На его губах заиграла невольная улыбка.

Осталось чуть больше десяти дней.

Ещё совсем немного, и этот кошмар закончится. Он получит долгожданную свободу, уедет отсюда навсегда и заберёт бабушку, чтобы начать новую жизнь в каком-нибудь тихом, уютном месте.

Он взял ручку, и его взгляд случайно упал на лежащую рядом тетрадь. Сердце затопило щемящее, нежное чувство.

Эту тетрадь для записей ему подарил «Гу Яньцин».

— Слышь, ты чего лыбишься как debilка? Аж тошно смотреть! — его парту внезапно обступила толпа парней во главе с Хуан Гэ, на лице которого играла гнусная ухмылка. — Надо же, сидит над учебниками, а у самого рожа такая, будто его прямо сейчас шпильят. Ну ты и подстилка дешёвая, конечно!

Хуан Гэ размашисто смахнул учебники Линь Цинжана на пол и издевательски протянул:

— Ой, блин, случайно вышло! Извини, что прервал твои влажные фантазии.

Линь Цинжань стиснул зубы. Промолчав, он потянулся к тетради, подаренной Гу Яньцином, желая спрятать её в сумку.

— Опа, а что это за тетрабочка такая ценная? — Хуан Гэ тут же выхватил её из его рук. Пролистав пару страниц, исписанных аккуратным почерком, он глумливо хмыкнул: — Обычный дешёвый блокнот. Нашёл из-за чего трястись! — Вдруг его глаза недобро блеснули: — А, точно. Ты же у нас типа гений класса. Сдашь экзамены и без этих писюлек, верно? Или ты по этой фигне зубришь?

С этими словами он с мерзким смешком начал вырывать листы один за другим:

— Давай-ка проверим, как ты сдашь свои тесты, если мы пустим эту макулатуру на ветер! Пацаны, зацените, отличник обосрётся на экзамене! Ха-ха-ха!

Глядя на то, как исписанные листы рвутся на мелкие клочки, Линь Цинжань почувствовал, как к горлу подкатил тяжёлый, горький ком. Сжав кулаки до побеления костяшек, он резко рванулся вперёд и вырвал остатки тетради из рук Хуан Гэ.

— Ах ты сука! — взревел Хуан Гэ.

Почувствовав, что теряет авторитет перед столпившимися вокруг шестёрками, он побагровел от злости, на его лбу вздулись вены. Он с силой вырвал тетрадь обратно, разорвал её в клочья, швырнул обрывки на пол и принялся яростно топтать их ногами.

— Ты, блядь, на кого зубы скалишь, урод?! Подумаешь, порвал пару страниц! Да я захочу — все твои учебники к хренам уничтожу, и ты мне ничего не сделаешь!

Линь Цинжань смотрел на усыпавшие пол обрывки бумаги. Дыхание перехватило, в груди всё сжалось от невыносимой боли. Больше не сдерживаясь, он вложил всю свою ярость в один короткий замах и точным ударом съездил Хуан Гэ по роже.

— Твою мать! — взвыл тот от боли.

Толпа вокруг ахнула. Никто и подумать не мог, что этот забитый тихоня посмеет дать сдачи.

Опозоренный на глазах у всего класса, Хуан Гэ озверел. Схватив Линь Цинжаня за грудки, он оттащил его в угол кабинета и наотмашь влепил ему оглушительную пощёчину.

Линь Цинжань тяжело закашлялся.

Уткнувшись лбом в стену, он судорожно хватал ртом воздух. С разбитой губы на пол закапала тёмная кровь, а в ушах зазвенел невыносимый, нарастающий гул.

Хуан Гэ бил в полную силу. Парень он был крупный и крепкий, так что Линь Цинжань едва держался на ногах, судорожно цепляясь пальцами за стену. Очертания класса перед его глазами поплыли, стремительно погружаясь в глухую черноту.

— Офигеть, брат Хуан Гэ, ну ты силён! Смотри, во что ты этого ублюдка превратил с одного удара! — подхалимски заржал один из подпевал.

Остальные одноклассники, едва заметив, что Хуан Гэ схватил Линь Цинжаня, поспешили забиться по углам и сделать вид, что ничего не замечают. Вокруг избитого парня стояли лишь зачинщики драки.

Следующим уроком стояла самоподготовка, во время которой учителя редко заглядывали в класс. Понимая, что наказания не будет, Хуан Гэ брезгливо отряхнул ладони и со всей духу

пнул обмякшего, теряющего сознание Линь Цинжана под дых.

—... Брат Гу!

Кто-то у дверей испуганно пискнул. При звуке этого имени вся банда мгновенно обернулась. Их глумливые ухмылки так же быстро испарились, сменившись выражением панического страха. Парни вытянулись по струнке, не смея пошевелиться.

— Что тут за сборище? — раздался холодный голос вошедшего Гу Вэньюя.

Хуан Гэ, зная, как сильно Гу Вэньюй презирает этого нищеврода, тут же подобострастно шагнул вперёд, надеясь выслужиться:

— Да так, пустяки, Брат Гу. Линь Цинжань опять напросился на неприятности, вот я его немного и проучил.

Взгляд Гу Вэньюя заледенел. Окинув толпу ледяным взглядом, он глухо процедил:

— Дорогу освободили. Быстро.

Парней как ветром сдуло — они испуганно попятились, освобождая проход.

В образовавшемся проёме Гу Вэньюй увидел лежащего на полу Линь Цинжана. Из разбитого уголка его губ на линолеум стекала струйка крови, успевшая образовать небольшую лужицу.

При виде этой картины у Вэньюя на мгновение перехватило дыхание, словно из лёгких выбили весь воздух. Оцепенение длилось лишь пару секунд. Отрезав себя от ошарашенных шестёрок, он рванул вперёд, опустился на колени, подхватил бесчувственное тело на руки и стремительно понёс его прочь из класса.

— Что это сейчас было с Братом Гу? — прошептал кто-то в гробовой тишине.

— Да вообще... Брат Гу же ненавидел этого придурка. Ему от одного его присутствия тошно было.

— Но он же сам его на руки взял! И пофиг на его брезгливость... У него же вся куртка теперь в крови этого нищеврода.

Хуан Гэ стоял бледный, не в силах вымолвить ни слова.

Он отчётливо почувствовал ту бешеную ярость, которая исходила от Гу Вэньюя. Но странное, пугающее отношение вожака к их общей жертве заставило его внутренне содрогнуться от нехорошего предчувствия.

Частная клиника Цзинь Юя

В больничной палате Линь Цинжань беспокойно метался на подушке, хмурясь и что-то бессвязно шепча пересохшими губами. Голос его был слишком слаб, чтобы разобрать слова.

Он слабо покачал головой, пытаясь избавиться от ноющей боли, и с трудом приоткрыл веки. Несколько секунд его расфокусированный взгляд блуждал по стерильно-белому потолку.

Вдруг он почувствовал прохладу на коже груди. Опустив глаза, Линь Цинжань оцепенел: чьи-то длинные, изящные пальцы медленно расстегивали пуговицы на его школьной рубашке.

Волна липкого ужаса накрыла его с головой. Он заставил себя поднять взгляд выше, но сознание всё ещё оставалось мутным.

—... Гу... Вэньюй...

В то же мгновение в памяти яркой вспышкой пронеслось воспоминание: перекошенное от злости лицо Гу Вэньюя, его стальные пальцы, сжимающие челюсть, и полный яда голос:

«Раз уж ты так жаждешь чужого члена, может, подогнать тебе сразу толпу клиентов?»

Панический страх парализовал тело. Линь Цинжаня забила крупная дрожь. Выдохнув его имя, он судорожно рванулся назад, забиваясь в угол кровати, и закричал срывающимся от ужаса голосом:

— Не прикасайся ко мне!

Сжавшись в комок на самом краю постели, он одной рукой судорожно пытался запахнуть распахнутую рубашку, а другой — той, в которую была воткнута игла капельницы, — намертво вцепился в металлическую спинку кровати.

Линь Цинжань в ужасе уставился на возвышающегося над ним парня, судорожно ловя ртом воздух. В его глазах метались первобытный страх и отвращение, а протянутая рука ходила ходуном.

— Что? Решил, что я собираюсь тебя трахнуть? — Гу Вэньюй медленно поднял взгляд. Его ледяной голос эхом отразился от стен, мгновенно выстудив всю палату.

Вид этого испуганного, забившегося в угол мальчишки, который смотрел на него как на чудовище, вызвал в груди Вэньюя волну глухого бешенства. Он злобно прикусил изнутри щеку и, не сдержавшись, смахнул со столика дорогую фарфоровую вазу.

С оглушительным звоном она разлетелась вдребезги, осыпав пол острыми осколками.

В глубине его сузившихся глаз разгоралось опасное, тёмное пламя. Он начал медленно надвигаться на кровать, словно хищник, загнавший жертву в угол и готовый разорвать её на куски.

Линь Цинжань попытался отползти ещё дальше, но упёрся спиной в прикроватную тумбочку. Оказавшись в ловушке между мебелью и стеной, он прерывисто, со свистом дышал. Пальцы, сжимавшие спинку кровати, побелели от страшного напряжения.

Гу Вэньюй вновь поиграл желваками. Шагнув вплотную, он железной хваткой впился пальцами в подбородок Линь Цинжаня, вздёргивая его лицо вверх. Насладившись животным ужасом в его глазах, он издевательски хмыкнул и процедил сквозь зубы:

— Боишься, что я возьму тебя силой?

Он издал короткий, свистящий смешок, словно его искренне позабавила эта мысль:

— Да ты на себя посмотри. Твоё грязное тело перетрахала уже половина школы! Сначала Хань Ян, потом ещё бог весть кто... Откуда в тебе столько самоуверенности, шлюха? С чего ты взял, что я вообще к тебе прикоснусь?

Пальцы на челюсти Линь Цинжаня сжались с такой силой, что послышался хруст. Гу Вэньюй ядовито улыбнулся:

— Все в школе знают, какая ты дешёвая подстилка. Но у тебя, я вижу, вообще нет чувства реальности. Да если ты на коленях умолять меня будешь — я брезгливо мимо пройду! Одно твоё прикосновение вызывает у меня тошноту!

Он резко отшвырнул его голову в сторону и смерил парня полным презрения взглядом.

Громыкнул замок. Дверь палаты с оглушительным стуком захлопнулась, оставив Линь Цинжаня одного.

Лишь после того как стихли шаги за дверью, Линь Цинжань позволил себе бессильно

опуститься на подушки. Его израненное тело обмякло, а сердце продолжало бешено колотиться о рёбра от пережитого ужаса.

В это время Гу Вэньюй ворвался в пустующий кабинет врача. Заметив массивный рабочий стол, на котором лежали аккуратные стопки медицинских карт, он в бешенстве нанёс по нему сокрушительный удар ногой.

Стол жалобно скрипнул, заставив бумаги веером разлететься по полу. Горшок с комнатным растением покатился со столешницы и с треском раскололся, засыпав белоснежную плитку землёй.

Увидев Линь Цинжана в крови на школьном полу, он, не раздумывая, схватил его и бросился в эту чёртову клинику. У него просто не было времени остановиться и спросить себя: «Какого хера я делаю?»

— И кто же умудрился так разозлить нашего молодого господина Гу, что он решил разгромить мой кабинет? — в дверях появился мужчина в белом халате. Голос его звучал расслабленно и насмешливо.

Вид разбросанных документов ничуть не испортил ему настроения. Окинув взглядом погром, он неторопливо прошёл к дивану, опустился на кожаное сиденье и лениво протянул:

— Тот парень, которого ты притащил... Твой одноклассник? А он весьма недурен собой.

— Недурен? У него половина рожи опухла от удара, как ты там умудрился разглядеть красоту?
— огрызнулся Вэньюй.

Цзинь Юй вальяжно закинул ногу на ногу и со знанием дела возразил:

— Раны заживут, племянник. У этого мальчика редкая, утончённая порода. Это видно сразу, с первого взгляда.

Гу Вэньюй презрительно фыркнул и повернулся к дяде:

— Советую тебе держать свои грязные мысли при себе, дядя. Его тело пошло по рукам ещё в средней школе. Эта дешёвка отдаётся любому встречному за бесценок.

Смерив Цзинь Юя насмешливым взглядом, он добавил:

— Неужели ты настолько опустился, что готов позариться на подобный мусор?

Цзинь Юй не спеша налил себе чаю, сделал глоток и с мягкой, вкрадчивой улыбкой заметил:

— Если он настолько тебе противен, зачем ты поднял на уши всю мою клинику, чтобы спасти его?

Гу Вэньюй онемел.

В тот момент, когда он увидел Линь Цинжана, лежащего в луже собственной крови, его разум отключился. В голове билась лишь одна безумная, паническая мысль.

«Он не должен умереть».

Он действовал на чистых инстинктах, не отдавая себе отчёта в происходящем. И теперь, оглядываясь назад, понимал, как глупо и нелепо это выглядело со стороны.

Зачем он ввязался в это?

Более того, пока Линь Цинжань лежал без сознания, он, заметив бурые пятна на его школьной форме, потянулся расстёгивать ему пуговицы, желая переодеть в чистое...

Какая дикость. Какое абсурдное, жалкое зрелище.

Гу Вэньюй скользнул по дяде ледяным взглядом, словно внезапно найдя идеальное оправдание собственной глупости.

Он вскинул голову и небрежно, свысока усмехнулся:

— В конце концов, эта игрушка принадлежит мне. А игрушка должна быть целой, иначе игра быстро наскучит.

<http://bllate.org/book/18342/1764204>